

Мы сами говорим и от многих слышим, что нам — народу и Государству Российскому — необходима идеология: идеология развития, соответствующая нашим ценностям и мировоззрению. В связи с этим возникает много вопросов — тем для серьёзного анализа, обсуждения. Некоторые из них обозначим в данной статье. Не перегружая газетный текст вариантами определений понятия "идеология", просто напомним, что этим словом обозначают сумму идей, касающихся власти и субъектов политики, их политических целей и методов.

Об идеологии говорят по-разному: её надо "найти", "выработать" или "получить". Быть может, она существует как элемент общественного сознания, причём как часть ноосферного социокультурного кода, на основе которого из поколения в поколение формируется русский народ, и её предстоит выявить, опознать, сформулировать и применить на практике в соответствии с реалиями дня сегодняшнего? Или же идеология — это конструкт, продукт интеллектуальной деятельности, специально созданный философами и политиками для решения текущих задач, движения страны и народа в желанном, по их мнению, направлении? Или же вся эта работа — видимая и невидимая — уже проделана, и осталось дожидаться благоприятного хода вещей, счастливого момента, когда стране и народу идеология будет каким-то образом "дарована"?

И ещё, говоря о государственной идеологии, мы что имеем в виду: идеологию тех, кто государством управляет и существенно влияет на его стратегию? То есть чиновников, олигархов и их службу в СМИ, образовании, культуре? Кроме того, важно, что народ в идеологическом смысле неоднороден. Какая его часть должна быть охвачена общими идеологическими принципами, чтобы идеология считалась общенародной?

Вопросы на этом далеко не исчерпаны. Базовые понятия — ценности, мировоззрение и идеология — нуждаются в расстолковании, раскрытии смыслов и, что особенно важно, в выявлении тех слоёв общества и властных структур, которые хотят и могут на них опираться, жить в соответствии с ними и строить стратегию дальнейшего развития.

РУССКОЕ ПОЛЕ СМЫСЛОВ

Общенародная идеология, где ты?

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ГЕРБАРИЙ

За последние лет двести оформилось множество идеологий, ставивших в центр своих концепций различные основания. Например, форму правления (автократия или демократия), или экономическую систему (капитализм, социализм), или положение в спектре политической борьбы (левые, правые, центристы), или философский, моральный базис (либерализм, консерватизм, коммунизм) и т. д.

Эти и другие идеологии описаны, оформлены концептуально и в таком виде существуют в текстах. О приверженности какой-либо из идеологий нередко заявляют политические партии ("либеральная", "демократическая", "коммунистическая" и т. п.), есть и такие, которые обходятся без подобной маркировки, но не без идеологии ("Единая Россия", "Родина", "Партия дела" и т. п.) На одном и том же идеологическом базисе могут возникать разные политические партии и движения с несовпадающими программами, делами и образами целей. Скажем, либеральные партии типа "Союз правых сил", "Яблоко" или ЛДПР, используя в своей лексике одни и те же понятия (свобода, справедливость и т. п.), придерживаются разных взглядов на государство и общественное устройство. В реальной политической жизни апелляция к идеологическим концепциям — не более чем упрощённая маркировка и рекламано-политический приём. Партии в ходе политической борьбы весьма гибко и прагматично пользуются идеологическими окрашенными образами, не слишком заботясь об идеологической чистоте. Хочется спросить: если такое происходит в партиях, то что же происходит в головах граждан? Реальность такова: "классические" идеологии существуют только в текстах, напоминающая гербарий с засушенными листьями некогда живых растений.

В головах людей фрагменты разных идеологий сосуществуют как фантастические смеси противоречивых образов, и это не вызывает дискомфорта. У большинства людей, вообще-то, нет природной потребности относить свои взгляды к той или иной идеологии. Мы стремимся оперировать другими представлениями — моральными традициями, следуем сложившимся типам поведения, представлениям о добре и зле, о должном и недожном. Исходя из этого мы реагируем на политические призывы и платформы, формируем отношение к политическим лидерам. Именно по этой причине идеологи, желая направить нас в нужную сторону, обращаются к базовым ценностям и образно-чувственному восприятию политических программ.

На бытовом уровне мы легко оперируем идеологическими характеристиками: "либерасты", "коммуняки", в ходу и ценностно-мировоззренческие прозвища: "совики", "мракобесы" и т. п. Чтобы потретьпаться и выпустить пар, этого бывает достаточно, но чтобы осознанно взаимодействовать со сложными, во многом неочевидными факторами нашей жизни, — нет.

В пространстве этих понятий, вернее, явлений, ими описываемых, мы находимся постоянно, взаимодействуя друг с другом и с государством, обществом. От того, насколько точно и глубоко мы понимаем природу и последствия идеологических воздействий, зависит наше субъективное благополучие, а также судьба страны. Мы находимся в чрезвычайно агрессивном информационном поле, создаваемом в основном СМИ. Это поле всегда идеологизировано, даже если это "просто новости", "просто кино" или передача "про путешествия". Важно не только понимать или чувствовать идеологическую окраску происходящего, но и знать, зачем и кем это делается. В идеологические вихри легко вовлекают простые граждане: мы до сих пор участвуем в борьбе красных и белых, западных и славянофиль, сталкиваемся по всем иным линиям раскола политической истории. При этом за пределами нашего понимания и внимания остаётся другой вопрос: насколько вовлечена и подвержена влиянию идеологических факторов наша политическая и экономическая элита? В какой мере идеологические конструкции вплетены в конфликты экономических и политиче-

не ограничивать, но и использовалась как своего рода инквизиция для расправы с теми, кого считали "чуждыми элементами". Размышляя о том, как на современном этапе следовало бы реализовать цензурную функцию той идеологии, которую хочется сделать государственной, надо не забывать о двойственной природе цензуры и негативном опыте.

Государство и без провозглашения официальной идеологии контролирует СМИ, опираясь на юридические нормы, запрещающие пропаганду насилия, наркотиков и т. п. В сущности, эти нормы — часть идеологии, даже если она напрямую никак не названа. Кроме прямых запретов государство ведёт и фактическое цензурирование, исходя из тех или иных текущих задач и угроз, осуществляя его путём редактирования материалов. Таким инструментом пользуется не только государство, но и идеологически окрашенные персоны, коллективы, группы влияния и т. п. Результаты именно этой работы видны всем гражданам и вызывают призывы к введению государственной идеологии в надежде (мало обоснованной, на мой взгляд), что государство в достаточной мере отражает интересы народа и встанет на их защиту.

УМ С СЕРДЦЕМ НЕ В ЛАДУ

Наше отношение к окружающему миру всегда окрашено эмоционально: от простой эмоции "нравится — не нравится" до более сложных переживаний, составляющих целый спектр чувств и эмоций: гнев, обида, агрессивность, радость, восхищение, удовлетворённость... Среди явлений окружающего мира, пробуждающих эмоции, есть как природные, так и те, которые связаны с людьми, обществом, государством, политикой, культурой. Наше отношение к ним складывается из эмоциональной и рациональной составляющих. Эмоциональная включается постоянно, рациональная — не всегда. Рациональная — это стремление понять суть явления, установить его причины, оценить последствия на основе доказательных рассуждений. Нередко, реагируя на что-либо, мы говорим сами себе: я вроде бы понимаю, почему и зачем это делается, но мне это как-то не нравится. Состояние, когда "ум с сердцем не в ладу", мы переживаем довольно часто: в отношениях с другими людьми, с государством, его политикой. Даже когда мы "в целом" поддерживаем политику власти, многие конкретные дела, фактическая реализация политической стратегии на отдельных направлениях вызывают неприятие, недоумение и досаду. Разобраться в причинах таких расхождений непросто. Мы не всегда знаем: то ли мы неверно понимаем "генеральную линию", то ли её "искажают на местах", то ли что-то ещё?

В поисках ответа мы чаще всего удовлетворяемся некой смесью эмоционального и рационального, причём рациональные доводы не выстраиваем всякий раз сами, а просто верим, что они имеются у кого-то, кому мы доверяем (разного рода авторитетам), и принимаем их.

Роль эмоций в политической жизни часто важнее роли логических построений. Скажем, неприязненное отношение одних слоёв населения или народов к другим — мощный фактор, приводящий к тяжёлым конфликтам, войнам, гибели людей и государств. Неприязнь нередко носит длительный, устойчивый характер, и когда ясные его причины обнаружить не удаётся, воспринимается как чувство иррациональное. Наряду с очевидными примерами дня сегодняшнего вспомним, к слову, о таком актуальном явлении, как русофобия, описанном И. Шафаревичем сорок лет тому назад, в котором особая роль агрессивного агента принадлежит так называемому малому народу, охваченному иррациональной ненавистью к некоторым важным аспектам окружающего мира и стремлением к их уничтожению. В действительности подобный волевой настрой, возникающий у некой социальной группы, есть вполне рациональное следствие идеологического — ценностно-мировоззренческого — воздействия его собственных внутренних социальных установок, возникших чаще всего вполне целенаправленно в силу особенностей этой группы или целей тех, кто кодирует их сознание. Технология воспитания ненависти к другим народам известна давно и широко применяется.

В основе наших переживаний и размышлений лежат ценности и цели, мировоззрение и идеологии, под воздействием которых мы оказываемся. Такие компоненты нашего сознания (личного и общественного) не являются неизменным набором устоявшихся представлений, это динамичное "варево", складывающееся на протяжении жизни или под воздействием текущей ситуации, — это смесь личного опыта и здравого смысла с внешним влиянием.

Многообразие неопределённости в восприятии и эмоциональная чувствительность в ощущении относятся ко всем социально-политическим явлениям: от радикального изменения государственного устройства до его последующих трансформаций и корректировок ценностной матрицы общества, базового мировоззрения, идеологических конструкций. С помощью этой триады (ценности, мировоззрение, идеология) общество ведёт туда, куда ведут: идеологии — это дудочки крылатов, мировоззрения — мелодии, ценности — нотки, из которых всё сложено.

Сравнение это не лишено оснований, но не свободно от недостатков. Дудочка видна, мелодия и нотки слышны и различимы. А вот ценности, мировоззрения и даже идеологии вроде как и видны, и слышны, но не очень отчётливо — как аморфные расплывчатые призраки. Это при том, что в нашем сознании существует немало образов и эмоций, связанных со словами "либерализм", "демократия", "социализм", "нацизм", "религия", "наука" и т. д. Смыслы этих слов описаны в учебниках, на слова, звучащие (в разных контекстах) повсеместно, порождают в индивидуальных сознаниях неодинаковые последствия. Повторю: имеются в виду не статьи, раскрывающие смысл этих понятий, а те продукты нашего сознания, которые возникают под воздействием явлений политики и культуры — книг, фильмов и спектаклей, процессов в экономике, внешней политике, в утверждении и распространении норм общественного и личного поведения, эталонов вкуса, оценки событий прошлого в описании истории страны.

ИДЕОЛОГИЯ И ЧАЯНИЯ

В какой мере оправданы наши ожидания в связи с надеждой на внедрение официальной идеологии? Нет ли в этом какого-то подвоха: то ли идеологию "не ту" назначим быть официальной, то ли те, в чьих руках она окажется, станут решать свои, а не наши задачи?

На эффективность государственной идеологии мы уповаем, вспоминая опыт СССР — государства идеологического, использовавшего идеологические нормы как своего рода фильтры и эталоны, сравнение с которыми должно было отбирать всё, что им соответствует, и торжествовать, отвергать то, что не соответствовало. В экстремальные периоды, такие как войны, поиск и становление новых форм государственного устройства и т. п., этот метод принятия стратегических решений нередко оказывался эффективным. Но всегда проявлялась и его обратная сторона: сужение спектра возможных подходов к постановке целей и выбору методов их достижения, что приводило к торможению развития и, в конечном итоге — привело к гибели государства.

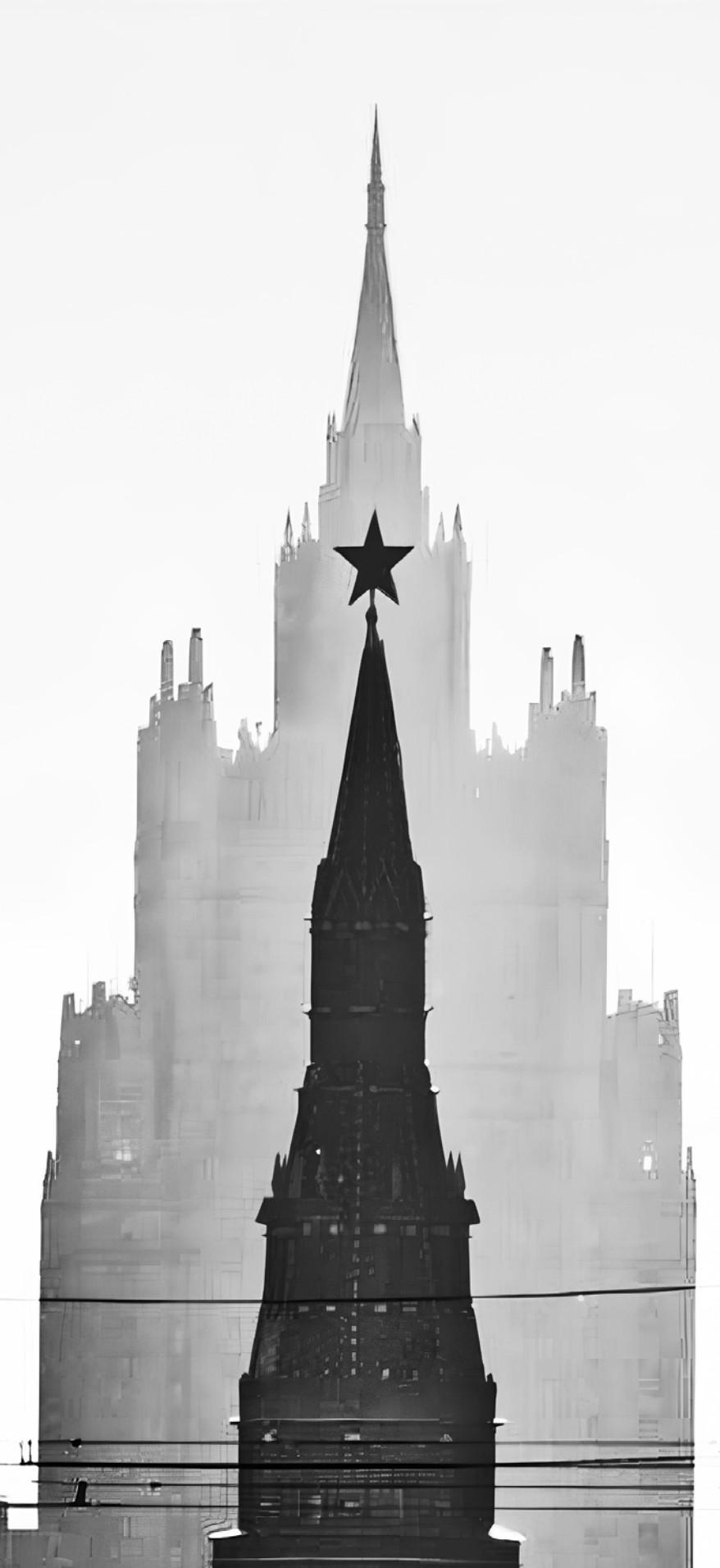
Мог ли исход быть иным? Видимо, да, но это умозаключение носит теоретический характер, к тому же не подкреплённый сколь-нибудь глубокой конструктивной аналитикой опыта социалистического строительства в СССР: научный анализ пока ещё не проводился, его заменили безапелляционным приговором и пропагандистской травлей, растянувшейся на долгие годы вплоть до дня сегодняшнего. Тем не менее мы помним, что советская система была "заточена" на решение социальных — общенародных, коллективистских по своей сути — проблем.

Размышляя о возможной эффективности государственной идеологии сегодня, важно понять особенности современного государственного устройства России, связь элементов государственной идеологии окрашенными образами, распространёнными, с одной стороны, в обществе, с другой — в клановых структурах и среде персон, принимающих решения, влияющие на жизнь страны. Вы скажу в связи с этим предположение, что та "общенародная" идеология, о которой грезится, внутриклановым коалициям и их лидерам не нужна. Многие исходят из своих решений не из идеологических установок, а из прагматических ситуативных задач, среди которых личные интересы преобладают над общественными, а общественные принимаются во внимание лишь в связи с наличием или отсутствием угрозы интересам личным. К тому же и внутренняя жизнь нашей политико-экономической элиты не свободна от серьёзных противоречий. Не только обычной для их способа жить внутривидовой борьбы, но и специфических напруг, характерных для российского капитализма. Строительство сословного общества находится в зрелой, очевидной фазе. Есть две разные по происхождению и сути части элиты. Одни — кто ханхнул собственностью в 1990-е, обладает наследуемыми активами и высоким уровнем пассивного дохода. Вторые, кто сидит "на кормлении": чиновники разных уровней, руководители госкомпаний. Они (порой — на взятках и откатах) накопили огромные капиталы (зачастую — "чёрные" и "серые") и пытаются влиять на политику государства. Они тоже хотят устойчивого, прогнозируемого будущего для себя и своих потомков. Один из вариантов решения — передача должности (места кормления) по наследству — похоже, уже начинают воплощаться. Ценностные приоритеты у этих групп схожи: богатство, власть и устойчивость (безопасность) пользования ими. В связи с этим общенародная патристическая идеология может быть ими допущена к распространению, чтобы воодушевлённый народ, защищая и развивая свою страну, защищая и базис благополучия элиты. Такое фундаментальное свойство государственного устройства — расхождения и совпадения менталитетов народа и элиты — следует учитывать в идеологическом дискурсе.

ЦЕННОСТИ И ИДЕОЛОГИЯ

Ценности — базовая часть любой идеологии. Если я неосознанно и при этом негативно реагирую на какие-то идеологические призывы или образы, значит, оказались задеты мои ценности. Они лежат в глубинах сознания и подсознания, мы о них чаще всего не думаем, не ведём их перечень, но сигналы одобрения или неодобрения от них поступают. Безоговорочно доверять этим сигналам не следует, они служат для того, чтобы напомнить о необходимости обдумывания, размышления. Ценности, "загружаемые" в наше сознание, приходят в самых разных формах: сказок и поучений в детстве, школьных предметов, образов и поступков киногероев, в ходе убедительных объяснений происходящего разными экспертами по ТВ или просто развлекательных программ, наконец, они со всей силой вдавливается рекламой. В сознание ценности проникают не сами по себе, а с помощью людей, стремящихся их туда ввернуть. И мы чаще всего не очень-то хорошо себе представляем, чем нас окормляют и к чему это может привести в смысле изменения нашей ценностной матрицы. Мы стоим на зыбкой почве, окружённые подвижными ориентирами. Поэтому нам надо постоянно ощущать и оценивать пространство, стремиться к осознанию местонахождения и направления движения. Пытаться понять, в смеси каких идеологий мы существуем, на каких мировоззренческих платформах стоим, каких ценностей придерживаемся, а какие утратили. Мы должны время от времени "поверять алгеброй гармонию", подвергать рациональной оценке свои эмоциональные порывы, пробуждённые дудочниками, пытаясь тем самым привести в гармонию ум и сердце.

Надо задавать вопросы. Скажем, нас призывают придерживаться традиционных ценностей. Мы слышим такие призывы уже не только от общественных деятелей, но и от ведущих политиков, от президента страны. Что такое традиционные ценности? Слушая общественных деятелей, их пропагандирующих, мы можем решить, что речь идёт прежде всего о религиозных, православных ценностях. Допустим. А как к этому относиться неверующим или представителям других религий? У атеистов есть традиционные ценности? У коммунистов? А у советских патриотов, относящихся к религии и церк-

ви нейтрально-позитивно? Если мы не хотим аксиомами — битвы ценностей — на поле традиции, надо найти и принять компромиссные взаимоприемлемые решения, эмпатичные линии поведения и ценностные образы. Делать это надо: мы один народ, состоящий из людей с несовпадающими ценностными матрицами, из которых надо собрать нечто общее.

Или вопрос о патриотизме. Он непрост: любовь к Родине и государству — одно и то же или нет? Где границы моей Родины, если я родился в СССР? Если я русский патриот, то объектом моей любви и преданности является весь Русский Мир, но это понятие не географическое и не юридическое... Ещё одно важное — и модное — понятие: евразийство. Чем отличается русская идеология от евразийской и может ли русско-евразийская (или шире: цивилизационная) идеология стать государственной? Как на идеологическом уровне увязывать ментальные пространства с территориями, государственными границами? Какой должна быть — а она необходима — идеология суверенитета? Вопросы важные, и заменять их формулами, похожими на мантры, можно, если не иметь в виду достижение результата в политической политике и жизни, а ограничиваться увлекательными рассуждениями на умственных посылках.

Ещё вопрос: если некто критично относится к политической жизни России по последним трём десятилетиям, не принимает многое из того, что происходило и происходит, то где те красные линии в его личной матрице ценностей, переступить которые не следует, ибо за этим — предательство по отношению к чему-то, что предавать нельзя? Где аналогичные красные линии в пространстве идеологии и общественной, культурной жизни? Можно или нельзя, скажем, слушать и ходить на концерты певца или певицы, который выступает "против"? Как себя вести в этом сложном пространстве идей и морали, если россиянин живёт не в России, но ощущает себя русским патристом? Как к этому приспособиться, если жизнь требует компромиссов, где грань между адаптацией и предательством? Причём не только на внешнем поведенческом контуре, но и в разговоре с самим собой, со своей совестью, с духовным стрелем предков, семьи?

Эти и многие другие вопросы не должны оставаться за пределами дискурса об идеологии.

СУБЪЕКТЫ ИДЕОЛОГИИ

Вопрос о носителях идеологий важный, болезненный и на определённом уровне публичной аналитики — почти табуированный. Наше общество весьма неоднородно, причём неоднородность эта имеет место в самых разных измерениях: имущественное положение и близость к власти, уровень образования и культуры, этничность, религиозность и многое иное позволяют выявлять и описывать разные социальные группы. У некоторых из них легко различить общность или близость взглядов по многим вопросам, у других — всё столь очевидно. Практическая социология накопила большой материал для анализа отличий и сходства в системе ценностей и в отношении к политическим процессам в разных группах, различающихся по многим параметрам: от возраста и пола до национальной или религиозной принадлежности. Ведь разговор об идеологии и мировоззрении, мы редко принимаем во внимание важные особенности того, кто на практике осуществляет идеологическое воздействие. А это стоит делать. Если кто-то — влиятельный силу богатства и близости к власти, авторитет-

ный — в силу учёных степеней и занимаемой должности, обаятельный и харизматичный — в силу красоты лица, тела, голоса или оказывающий воздействие иными средствами, если он кого-то хвалит или ругает, что-то советует делать, а что-то не делать — постарайтесь присмотреться к его персональным особенностям и оценить возможную близость и расхождение ваших ценностей, мотиваций и целей. Подумайте, не относится ли он к специфической субкультуре? Не упрощайте, думая: он такой же русский, россиянин, как и я. В русской культуре, в российском обществе сосуществуют различные субкультуры и, соответственно, социальные страты, отличающиеся на базовом, ценностном уровне, что во многом обуславливает идеологические симпатии и антипатии. В не-публичном контексте мы можем услышать, например, что "все евреи — либералы", "мусульмане — фундаменталисты", "русские — красно-коричневые" и много других подобных гиперобобщений. О существовании субкультурной структуры российского общества и её связи с пространством идеологии надо непременно говорить, только не на уровне бытовых реплик, а профессионально и ответственно. Мелодию дудочки можно звучать прелестно и даже называться хорошими словами, но ведёт он туда, где ему, возможно, и будет хорошо, а нам с вами — гибель.

Обозначив несколько аспектов обсуждения возможной общенародной идеологии, мы далеко не исчерпали тему и надеемся, авторы и читатели газеты примут активное участие в дискуссии.

Среди возможных актуальных тем, например, антисоветская идеология. После распада СССР возникло 15 антисоветских государств: во всех антисоветизм стал идеологической доминантой, не является исключением и Россия. В связи с этим важно понять, в какой мере это нас как страну и народ ослабляет и в какой укрепляет? Является ли антисоветизм позитивным ресурсом? Близкая к этому тема: русский и советский патриотизм. Достаточно ли в качестве позитивного события выбрать и взять на идеологическое вооружение одну лишь Великую Победу, отказавшись от обращения к множеству других факторов и причин для гордости и опоры в сегодняшнем созидательном труде? Кому сегодня выгоден антисоветизм?

Представляется важным рассмотреть, в частности, такие темы, как идеология и мировоззрение, какова их взаимосвязь и взаимовлияние? Актуальным является анализ современной агитационно-пропагандистской работы с идеологической точки зрения. С этим связаны как проблемы информационной гигиены ("фильтрация базара"), призванной сохранить социальное здоровье, так и более важный аспект: пропагандисты — не аналитики и не идеологи. Но они могут убедительно действовать на этом поле и, стремясь делать свою работу так, чтобы начальству нравилось, заводить общество — все его слои, в том числе и управленческие — не на самые выигрышные позиции в текущей идеологической борьбе. Упомянем и такие животрепещущие темы, как идеология и современные технологии, в частности, цифровые, — старая тема о связи идеологии и науки должна продолжиться с учётом современных реалий.

Размышляя над этими и другими вопросами, попытаемся разобраться в некоторых сложностях, попробуем предвидеть последствия нашего взаимодействия с политическими реалиями, постараемся с большим вниманием и бережностью обращаться к памяти о собственной прошлой жизни и жизни страны. Словом, попытаемся приобщиться к искусству жить в эпоху перемен.

Сергей БЕЛКИН

Новый 9-10 (117-118) номер журнала "Изборский клуб" освещает такие темы, как угроза транснацизма и канон русского мировоззрения.

Свои материалы представили Александр Проханов ("Ещё раз о Царстве", "Петербургское сознание"), Владимир Можоговцев ("Окультизм идеология Третьего рейха: от сверхчеловека до "ледовой космогонии"), Максим Калашников ("Кибирги иду..."), Михаил Кильдяшов ("Где, ад, твоя победка?").

Александр Елисеев представил экспертный доклад Изборскому клубу "Мир господ и хозяев". В номере также опубликован доклад "Новые 30-е и угроза транснацизма" (под редакцией Виталия Аверьянова). Также представлены беседы с Виталием Аверьяновым "Полуса руской идеи в конце концов сближаются", с Михаилом Маслинным "Наш канон должен стать не книгой на полке, а руководством к действию".

Андрей Иванов ("У великой нации должен быть великий проект") утверждает: "Если цивилизация не осознаёт своих ценностей, не работает над их прояснением и утверждением, тогда ей будут названы другие ценности других цивилизаций. Что, к сожалению, у нас и было в 90-е годы. Поэтому такая великая страна, как Россия, без ценностного самосознания просто не может существовать. Это действительно условие выживания и нашего уверенного движения вперёд".

Рубрика "Библиотекарь" знакомит с книгами "Русский мир на переломе эпох" Виталия Аверьянова, "Донбасский период русской истории. Смена элит" (под редакцией Виталия Аверьянова), "Аркам. XXI век. Геостратегическая ось Север-Юг" (под редакцией Виталия Аверьянова).

"Стихия" представляет "Поэму эпохи" Виталия Аверьянова.

Справки по телефону 8 (985) 256-91-24